

УДК 811.161.1'37

Л. В. Педченко

КОГНИТИВНАЯ СТРУКТУРА СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ТЕПЛЫЙ» В РУССКОМ ДИАЛЕКТНОМ ЯЗЫКЕ

ПЕДЧЕНКО Л. В. КОГНИТИВНА СТРУКТУРА СЕМАНТИЧНОГО ПОЛЯ «ТЕПЛИЙ» У РОСІЙСЬКІЙ ДІАЛЕКТНІЙ МОВІ.

*У статті робиться спроба аналізу структури семантичного поля «теплый» в російській діалектній мові з метою виявити характер когнітивної інтерпретації теплових відчуттів у російській традиційній лінгвокультурі. В результаті дослідження семантики діалектних лексем з коренем **тепл-** встановлено, що у структурі досліджуваного поля поряд з ядерними компонентами, що виражають відчуття тепла, виділяються два смислових блоки, які актуалізують природні (погода, час, простір) і антропогенні (вогонь, будова, приміщення, одяг, взуття) фактори, які забезпечують створення та збереження тепла. Метафоричні оціночні значення в досліджуваному семантичному полі амбівалентні, що пов'язано з можливістю різної інтерпретації ознак ядерного поняття.*

Ключові слова: когнітивна лінгвістика, семантика, семантичне поле, діалектна лексика, номінативна модель.

ПЕДЧЕНКО Л. В. КОГНИТИВНАЯ СТРУКТУРА СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ТЕПЛЫЙ» В РУССКОМ ДИАЛЕКТНОМ ЯЗЫКЕ.

*В статье предпринимается попытка анализа структуры семантического поля «теплый» в русском диалектном языке с целью выявить характер когнитивной интерпретации тепловых ощущений в русской традиционной лингвокультуре. В результате исследования семантики диалектных лексем с корнем **тепл-** установлено, что в структуре исследуемого поля наряду с ядерными компонентами, выражающими собственно ощущение тепла, выделяются два смысловых блока, актуализирующих природные (погода, время, пространство) и антропогенные (огонь, строение, помещение, одежда, обувь) факторы, которые обеспечивают создание и сохранение тепла. Метафорические оценочные значения в исследуемом семантическом поле амбивалентны, что связано с возможностью различной интерпретации признаков ядерного понятия.*

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, семантика, семантическое поле, диалектная лексика, номинативная модель.

PEDCHENKO LIUDMYLA. COGNITIVE STRUCTURE OF THE SEMANTIC FIELD "WARM" IN THE RUSSIAN DIALECT LANGUAGE.

The article makes an attempt to analyze the structure of the semantic field "warm" in the Russian dialect language in order to reveal the nature of the cognitive interpretation of the corresponding type of sensations in Russian traditional linguistic culture. As a result of the study of the semantic of Russian dialect lexemes with a "warm" root, it is revealed that the nuclear zone of a given semantic field is formed by linguistic units expressing the sensation of heat, differentiated depending on the degree of intensity. The closest periphery of the investigated field is formed by two semantic blocks, actualizing the natural and anthropogenic factors that ensure the creation and preservation of heat. A group of natural factors is represented by continually interconnected signs of 'weather', 'time' and 'space'. In terms of anthropogenic factors, the concepts of 'fire', 'structure, room', 'clothing' and 'footwear' are marked. The extremely high productivity of nominative models based on the actualization of the motivational attribute "warm" in the nominations for heating equipment (campfire, stove), buildings and clothing in Russian dialect language testifies to the pragmatic marking in the Russian linguistic consciousness of anthropogenic factors ensuring the creation and preservation of heat. The metaphorical estimated values in the semantic field under study are ambivalent, which is connected

© Л.В. Педченко, 2017

<http://doi.org/10.5281/zenodo.570985>

with the possibility of various interpretations of the signs of the nuclear concept. The structure of the semantic field "warm" explores the corresponding cognitive structure (frame), which includes a set of knowledge about the object, obtained as a result of individual and social experience.

Key words: cognitive linguistics, semantics, semantic field, dialect vocabulary, nominative model.

Многочисленные исследования в рамках современной антропоцентрической лингвистики убедительно доказывают, что структура семантического поля эксплицирует соответствующую когнитивную структуру, структуру человеческого знания, являющегося результатом восприятия и осмысления фрагмента объективной действительности представителями того или иного этноса. Объем семантического поля, его конфигурация, источники и способы формирования, характер взаимодействия с другими полями отражают особенности концептуализации и языковой репрезентации внеязыковых объектов в рамках определенной лингвокультуры. В этой связи в настоящее время исследования семантических полей, позволяющие реконструировать различные фрагменты языковой и концептуальной картин мира, становятся актуальными.

Метод семантического поля, зародившийся в рамках структурной лингвистики, сейчас переживает период «второго рождения», переосмысления и трансформации в контексте когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Как отмечает П.Е. Гриценко, «очевидным является факт, что теория поля не исчерпала себя, и на ее базе постоянно возникают новые исследовательские приемы и методы. Поэтому речь идет, прежде всего, об обогащении методики исследования лексики по семантическим полям, отдельным сегментам» [3, с. 8].

Критики теории семантического поля часто ссылаются на то, что в большинстве случаев такое поле выделяется на базе общности понятий, то есть на чисто логической основе. При таком подходе, по мнению Ю.Н. Караулова, исследователи не учитывают одного важного обстоятельства: «словарный состав языка прошел многотысячелетний путь развития, и наряду с научными представлениями разных эпох в нем отражались и наслаивались также заблуждения и суеверия, в нем запечатлелся и дологический этап становления человеческого мышления и языка» [4, с. 60]. Поэтому подходить к лексической системе языка с позиций логической структуры современных понятий значит навязывать языку искусственную схему членения. В таком случае возникают трудности в установлении границ семантического поля, которые определяются чисто интуитивно. Сознвая отмеченные ограниченности абстрактно-логического подхода к сегментации семантического пространства, Н.И. Толстой выдвинул лингвистический критерий определения границ поля. В качестве такого критерия было предложено использовать амплитуду колебания семантики опорной лексемы поля [8]. «Такой исследовательский прием, – пишет П.Е. Гриценко, – оказался перспективным, поскольку позволил перевести изучение отношений между говорами на семантическом уровне из разрозненных в системные» [2, с. 151].

Семантическое поле может быть выделено и на основании деривационных отношений (полисемия и словообразовательное гнездо). «Однокоренные слова, – считает Е.А. Нефедова, – во всей совокупности их значений можно рассматривать как семантическое поле, выделенное на основе ассоциативно-деривационных отношений» [5, с. 57]. В этом случае границы семантического поля определяются амплитудой семантических колебаний не одной опорной лексемы поля, а всего деривационного гнезда в целом. Такой подход представляется более продуктивным, поскольку позволяет в полной мере эксплицировать структуру семантического пространства, выявить формирующие его лингво-когнитивные номинационные модели, реализующиеся посредством не только семантической, но и морфологической деривации. При этом границы семантического поля выделяются на основании четкого формального лингвистического критерия – наличия деривационных связей между единицами поля.

Именно такой подход к определению границ семантического поля мы принимаем в настоящем исследовании, цель которого состоит в том, чтобы на основе анализа структуры семантического поля «теплый» в русском диалектном языке выявить характер концептуализации соответствующего вида ощущений в русской традиционной лингвокультуре.

Выбор диалектной лексики в качестве материала исследования не является случайным. Многими видными учеными признается большая ценность для изучения языка в связи с сознанием, мышлением человека диалектных данных [1; 8; 2]. Как отмечает Т.И. Вендина, «диалектный материал с его эмпирической свежестью позволил раскрыть новые стороны языковой картины мира русского народа, поскольку в диалектах (в отличие от литературного языка) наблюдается большая степень детализированности и расчлененности одного и того же семантического пространства, что связано с особенностями концептуализации и членения языковым сознанием диалектоносителей окружающего их мира, с потребностями его дифференциации в целях лучшей ориентации и освоения» [1, с. 5]. Диалектная речь естественна, непосредственна, диалектоносите́ль не связан нормами и условностями литературной речи, что делает диалектный материал весьма ценным для изучения «наивной картины мира».

Конечно же, необходимо принимать во внимание тот факт, что семантические поля, выделяемые в рамках диалектного языка, представляющего собой полисистему («систему систем»), по своей внутренней структуре (синонимические, антонимические, гипогиперонимические и прочие виды отношений) отличаются от семантических полей, выделяемых применительно к одной языковой системе на одном синхронном срезе. Однако, как справедливо заметила С. М. Толстая, «если посмотреть на те и другие семантические поля с ономаσιологической точки зрения, как на совокупность номинационных единиц, соотносительных с определенным фрагментом внешнего мира, то сходство их окажется значительно большим, причем набор мотивационных моделей (а следовательно, и культурное содержание) во втором случае (полисистемном) окажется богаче» [7, с. 192]. Основным фактором, позволяющим рассматривать полисистемные семантические поля наряду с моносистемными, является наличие общей когнитивной основы диалектов одного языка или близкородственных языков, а также единого фонда используемых ими лексических средств, развивающих семантические и номинационные потенции общего праязыка [7, с. 192].

Осознание, как и вся система восприятия, является одним из каналов, которые связывают человека с окружающим миром. По объему поступающей в сознание человека информации осязательные ощущения, к числу которых относятся и температурные, существенно уступают зрительным и слуховым. Однако тепло – это один из важнейших факторов, обеспечивающих возможность жизнедеятельности людей. Для русского человека, живущего в достаточно суровых климатических условиях, сохранение и поддержание тепла, несомненно, имеет чрезвычайную прагматическую значимость, что обуславливает высокую степень разработанности, смысловой расчлененности семантического поля «теплый» в русском диалектном языке.

Ядро данного семантического поля составляют лексемы, воплощающие интегральный семантический признак ‘ощущение тепла’, который может дополняться квантитативной семей-интенсификатором ‘сильный’: *теплецо*, ср. сильное тепло, жара. Влад., Яросл., Новг., Костром. [6, с. 50]; *теплево*, ср. тепло, теплота в избе, доме и т. п. Влад., Иркут. [6, с. 49]; *т’еплечь*, ж. теплота, тепло. Онеж. КАССР [6, с. 50]; *теплина*, ж. сильное тепло, жара. Новг., Олон., Волог., Смол., Пск., Курган., Волог., Яросл. [6, с. 51]; *теплотища*, ж. сильная жара, тепло где-л. Том. [6, с. 56]; *тёплоть*, ж. тепло. Твер. [6, с. 56]; *тёплушко*, безл. сказ. тепло где-л. *Как теплушко на улице*. Ставроп. [6, с. 59]; *тепляют*, ж. тепло, теплота. Яросл. [6, с. 62]; *теплёхонько*, безл. сказ. тепло, очень тепло. Костром. [6, с. 50]; *теплусый*, ая, ое, теплый. Калуж. [6, с. 57]; *теплиций*, ая, ее, очень теплый. Перм., Свердлов. [6, с. 62].

В ближайшей периферии исследуемого семантического поля могут быть выделены два смысловых блока, отражающих факторы, которые каузируют тепловые ощущения человека и обеспечивают поддержание тепла.

Первый блок составляют лексические единицы, называющие природные факторы, связанные в народном сознании с ядерным понятием «теплый» отношениями детерминации. В рамках этого блока можно выделить три смысловых модуля: «погода», «время» и «пространство».

Модуль «погода» образуют лексемы, обозначающие теплую погоду или оттепель: *тепление* и *-ье*, ср. наступление теплой погоды, потепление. Ворон. [6, с. 49]; *теплено*, безл.

сказ. о теплой погоде. Яросл. [6, с. 49]; *тепленько* и *тёпленько*, безл. сказ. о теплой погоде, о теплом воздухе. Даль. [6, с. 50]; *теплесь*, ж. Теплая погода. Волог. [6, с. 50]; *теплеть*. о теплой погоде. Олон. *На улице хорошо, тихо, теплеть*. Мурман., Волог., Иван., Твер. [6, с. 50]; *теплина*, ж. теплая погода. Олон., Вят., Волог., Яросл. оттепель. Пск. [6, с. 51]; *теплинка*, ж. о теплой погоде (весной). Калин. [6, с. 51]; *теплопогодье*, ср. теплая погода. Кемер. [6, с. 56]; *теплымице* ср. очень теплая погода. Пск., Твер. [6, с. 60]; *тепляе*, сравн. ст. прил. и нареч. В знач. безл. сказ. о потеплении погоды. Арх. [6, с. 61]; *теплять*, несов., неперех. теплеть, становиться теплее (о погоде). Вят., Перм. [6, с. 62]; *теплынъ*, ж. хорошая, теплая погода. Курск., Орл., Ворон.; сухая, жаркая погода. Тамб. Костром., Арх., Сев.-Двин., Иркут.; оттепель Калуж. [6, с. 60-61]; *теплие*, ср. оттепель. Арх. [6, с. 50]; *теплынъка*, ж. ласк. оттепель. Новг. [6, с. 61].

Модуль «**время**» представлен лексемами, обозначающими теплое время года: *тепло*, ср. *По теплу делать* что-л. В теплое время года, в теплую погоду делать что-л. Иркут.; *теплом*, в знач. нареч. в весеннее время, весной. Новг.; *теплуса*, ж. теплое время года. Калуж. [6, с. 56]; *теплынъ*, ж. теплое время года. Калуж. [6, с. 61]; *теплыня*, ж. теплое время. Дон. *Теплыня открылась, открывается*. Хорошая погода, тепло наступает. Ворон. [6, с. 61].

Обратим внимание на то, что значение ‘теплое время’, как правило, совмещается со значением ‘теплая погода’, что указывает на континуальный характер данного фрагмента исследуемого семантического поля.

Совмещение темпорального и температурного значений проявляется также в использовании прилагательного *теплый* в названиях праздников народного православного календаря: *Алексей тёплый*, день св. Алексия, человека Божия, 30 марта (17 марта по ст. ст.). Енис.; *Пахомий тёплый*, день св. Пахомия Нерехтского 28 мая (15 мая по ст. ст.). «Теплая погода в этот день предзнаменует теплое лето». Костром.; *Тёплая горка*. первое воскресенье после Пасхи, Красная горка. Смол. [6, с. 60]. Показательно, что все названные праздники входят в весенний календарный цикл. По-видимому, весна является тем временем года, для которого характеристика «теплый» имеет особое утилитарно-прагматическое и символическое значение.

Смысловой модуль «**пространство**» характеризуется семантическими признаками, актуализирующими географическую локализацию – стороны света. При этом в различных говорах в качестве «тёплой стороны» может маркироваться не только юг, но и другие стороны света (кроме севера). Характерной чертой этой семантической микрогруппы является совмещение значений ‘сторона света’ и ‘ветер, дующий с данной стороны света’: *теплик*, м. юг, сторона, противоположная северу. Пск.; южный ветер. Пск., Твер. Эст. ССР; восток, сторона, противоположная западу. Пск., Новг.; восточный ветер. Пск.; юго-восточный ветер. Пск., Сев.-Зап.; юго-западный ветер. Пск. [6, с. 50-51]; *тёплая сторона*, южная сторона, южное направление. Моск., Яросл.; *тёплый ветер*, юго-восточный ветер. Колым. [6, с. 59–60]; *тепляк*, м. теплый южный ветер. Новг.; теплый западный ветер. Пск.; теплый восточный ветер. Пск.; восток. Пск., [6, с. 62]; *теплячок*, м. южный ветер. Даль; восточный ветер. Пск.; восток. Пск. [6, с. 62]; *теплынъ*, ж. южная сторона, южное направление. Олон. [6, с. 61].

Вторую группу условий, обеспечивающих поддержание и сохранение тепла, составляют антропогенные факторы. Соответствующий смысловой блок исследуемого семантического поля включает лексические единицы, обозначающие огонь, жилище, строение, одежду, обувь.

Семантический модуль «**огонь**» образуют преимущественно номинации костра: *теплена*, ж. огонь, костер, разведенный в лесу, в поле и т. п. Яросл. [6, с. 49]; *теплина*, ж. огонь, костер, разведенный в лесу, в поле и т. п. Волог., Арх., Твер., Калин., Моск., Яросл., Иван., Влад., Волж., Костром., Киров., Вят., *Тепла топлина*, огонь, костер. Волог. *Доставать топлину*. зажигать огонь. Новг., *Заложить топлину*. разжигать огонь. Вят. [6, с. 51]; *теплинка*. уменьш.-ласк. к *теплина*. Влад., Иван., Костром., Киров., Яросл., Моск.; *теплинька*. Яросл., Олон.; огонь. Новг., Волог., Моск.; маленький огонек. Новг., Волог. [6, с. 52]; *теплиница*, ж. горящий костер. Влад. [6, с. 52]; *т’еплица*, ж. огонь, костер, разведенный в лесу, в поле и т. п. Яросл., Костром., Влад., Горьк. [6, с. 53]; *тепло*, ср. огонь, костер, разведенный в лесу, в поле и т. п. Смол. Брян.; огонь. Пск., Смол., Твер., Пенз., Курган. [6, с. 54]; *теплушек*, м. огонь, костер. Смол. [6, с. 57]; *теплушка*, ж. огонь, костер. Смол., Моск.,

Яросл. [6, с. 57]; **тепляк**, м. огонь, разведенный в лесу, в поле. Яросл. [6, с. 61]; **тепьянка**, ж. огонь, костер, разведенный в лесу, в поле. Яросл., Костром. [6, с. 62].

Наряду с обозначением костра, дериваты с корнем **тепл-** выступают в качестве номинаций печи – другого способа использования огня для создания и поддержания тепла: **теплуха**, ж. небольшая печка для обогрева. Новосиб. [6, с. 57]; **теплушка**, ж. небольшая (железная, кирпичная или чугунная) печка. Моск., Яросл., Свердлов. // углубление в наружной стороне русской печи для сушки портянок и онучей; печурка; печное тепло. Новосиб. [6, с. 57]; **теплиться**, несов. топиться (о печи). Арх. **Теплиться в чем-л.** топиться, гореть в чем-л. *В печи-то седи худо теплится*. Волог. [6, с. 53]; **Теплить**, несов., перех. топить (печь, каменку и т. п.). Новг., Арх. [6, с. 53].

С понятиями ‘огонь’ и ‘печь’ метонимически связаны понятия ‘дрова’, ‘лучина, растопка’, ‘кочерга’, номинации которых также могут образовываться посредством основы **тепл-**: **теплина**, зажженная лучина, горящая растопка. Новг., Олон., Волог., Смол., Симб., **Подать теплины**. подать огня, посветить. Волог. // о чем-л. горящем. Курган.; дрова; вязанка дров. Арх., Яросл., Ср. Урал., Новг., Том., Волог. // количество дров, вмещающихся в печку, яму овина. Костром. **Провести теплину**, истопить овинную печь, яму, используя дрова, необходимые для одной топки. Волог. // мера дров, нужная для просушки снопов. Арх. [6, с. 52]; **теплиночка**, ж. ласк. охапка, вязанка дров. Моск. [6, с. 53]; **тепливо**, ср. растопка для печи, костра и т. п. Вят. [С.50]; **теплея**, ж. кочерга. Ср. Прииртышье [6, с. 50].

Лексически маркируется в русских говорах (преимущественно северных) огонь, разводимый в овинной яме или печи для сушки снопов: **тепенка** и **тепелнька**, ж. ласк. огонь, разведенный под овином, для сушки снопов. Твер., Киров., Арх., Яросл. [6, с. 49] **теплушка**, ж. огонь, разведенный в овине для сушки снопов. Яросл., 1990 [6, с. 57]; **теплина**, ж. огонь, разведенный в овинной яме, печке при сушке снопов. Влад., Костром., Яросл., Волог., Твер., Калинин., Новг., Сев.- Двин., Вят., Моск. // огонь, разведенный в яме при сушке орехов. Том. [6, с. 51]; **тепьяна**, ж. огонь, разведенный в овине при сушке снопов. Новг. [6, с. 62]; **теплина**. печка, яма, в которой разжигают огонь при сушке снопов. Ряз. Мещера, Моск., Калинин. [6, с. 51]; **теплить**, несов., перех. топить, согреть (овин для сушки снопов). Арх., Новг. **Теплить овин**. топить печь в овине. Арх., Новг., Север. Арх. **Теплить чем-л.** *Овин теплили длинным дровам помене метра*. Новг. [6, с. 53]; **теплить**, сушить зерно в овине. Арх. [6, с. 53] **Теплится овин**. топится печь в овине. Вят., Новг., Арх. [6, с. 53]. Такое внимание к данному объекту номинации, по-видимому, обусловлено тем, что для русского крестьянина, особенно проживающего в северных регионах, сушка зерна в овине, позволявшая защитить урожай от сырости, являлась чрезвычайно важным, жизненно необходимым процессом.

Следует отметить, что в рамках семантического модуля «огонь» признак ‘тепло’ может деактуализироваться, что связано с возможностью использования огня не только для обогрева, но и для освещения: **теплецо**, ср. свет от огня (свечи, лучины и т. п.). Влад., Волог. [6, с. 50]; **тепло**, ср. освещение, свет. **Зажги тепло**. Пск. *Включи тепло*. Брян., Смол. [6, с. 54]; **теплец**, м. лампадка. Челябин. **Подать теплеца**. подать огня, посветить. Казан. [6, с. 50]; **теплить**, зажигать, жечь свечу, лампаду. Казан., Калуж., Олон., Вят., Сиб. [6, с. 53].

Семантический модуль «помещение, строение» включает номинации отдельно стоящих строений и внутренних помещений различного назначения – как жилых, так и хозяйственных. В качестве интегральных в данном случае выступают семантические признаки ‘утепленный’ или ‘отапливаемый’: **теплёнка**, ж. охотничья утепленная изба. Горно-Алт. [6, с. 49]; **теплик**, утепленный подвал, погреб; выход. Пск., Твер. [6, с. 51]; **теплица**, светелка; хата. Смол.; «скотня – задняя изба, называется так потому, что зимою ее топят для молодого скота». Пенз. [6, с. 53]; **теплуха**, ж. изба, избушка. Арх. *Теплуху подтапливать надо*. Урал. «Отдельная, теплая избушка (не клеть) или особая кухонька, стряпная». Даль. Избушка с печкою, где греют пойло, воду скоту. Новг., Пск., Ростов., Яросл. [6, с. 57]; **теплушка**, ж. помещение с печкой в овине. Свердлов. // помещение для обработки льна. Влад.; помещение для обогрева. Курган. // небольшая теплая комната в избе. Кубан. // небольшая теплая комната в лавке и т. п. Вят.; помещение в доме или вне его, где готовят пищу, кухня. Курск., Орл., Дон., Моск. Ср. Прииртышье // комната или отгороженное место в доме, где находится печка. «Теплая комната, жарко натопленная». Курск., Дон., Северокавказ. «Отгороженная маленькая

комнатка в избе по длине или ширине во всю избу; сюда обыкновенно выходит челом печь». Моск., Влад., Вят. // помещение с печкой по-черному. Курск.; изба. Орл. // меньшая часть двухсвязной избы, выходящая окнами во двор. Курск. // одна из смежных или разделенных сенями изб, выходящая окнами во двор, являющаяся обычно и кухней. «Живут дети подростки и батраки». Терск. // «маленькая избенка с большой печкой». Сиб. // помещение, состоящее из кухни, прихожей и одной комнаты. Курск. // задняя комната, отделенная от передней сенями. Р. Урал; прихожая в доме. Дон.; утепленное помещение для содержания скота (обычно мелкого) и птицы, а также для приготовления пойла, нагревания воды и т. п. Орл., Ряз. Влад., Яросл., Костром., Пск. Киров., Иркут. Бурят. АССР // помещение для скота при доме. Иван.; пристройка для хранения овощей, кладовая. Яросл.; небольшой домик, помещение для сторожа; сторожка. Перм., Киров., Зап.-Сиб., Южн.-Сиб., Сиб.; курная избушка у мельниц. «Строится вскладчину хозяевами нескольких мельниц». Ворон.; предбанник. Арх.; помещение различного назначения. Арх. [6, с. 57-58]; **теповик**, м. утепленное помещение для домашнего скота и птицы. Бурят. АССР [6, с. 54]; **тепление** и **ье**, ср. теплый хлев. Новосиб. [С. 49]; **теплуха**, ж. теплый хлев. Смол. [6, с. 57]; **теплина**, ж. скотный двор. Калин. [6, с. 52]; **теплоскотна**, ж. утепленное помещение для домашнего скота. Южн. Урал [С. 56]; **теплик**. парник, теплица. Новг. [6, с. 51]; **тепличник**, м. теплица, парник. Моск. [6, с. 53]; **тепляр**, м. утепленное помещение для домашнего скота и птицы. Яросл., Иван., Горьк., Куйбыш., Волгогр., Ставроп., Южн. Горно-Алт., Тунк., Бурят. АССР, Читин.; утепленное помещение для крупного рогатого скота. Амур. // место в сенях, пристройка для теленка. Бурят. АССР; избушка для ночлега на смолокурне Ряз. Мещера; зимнее помещение для пчел. Вят., Горно-Алт. Краснояр.; теплица, парник. Южн. Урал [6, с. 62]; **теплуша**, ж. маленький теплый чулан «при лавке». Казан. [6, с. 57]; **теплушник**, м. теплый хлев. Олон. [6, с. 59]; **теплить**, утеплять дом чем-л. Новг. [6, с. 53].

Модуль «**одежда, обувь**» в исследуемом поле представлен широким кругом номинаций, демонстрирующих высокую степень дифференциации семантического пространства.

Группа «**обувь**» включает преимущественно названия валенок: **теплаки**, мн. валенки. Моск. [6, с. 49]; **теплярки**, мн. валенки. Алт., Забайкалье, Калуж., Смол., Калин., Пск.; галоши. Смол. [6, с. 62]; **тепло**, ср. валенки, теплая обувь. Калуж.; **теплярши**, мн. валенки. Олон. [6, с. 62].

Наименования одежды, включающие корень **тепл-**, при наличии интегрального семантического признака 'сохраняющий тепло' обнаруживают чрезвычайное семантическое разнообразие. В них актуализируются такие признаки, как 'материал, используемый при изготовлении одежды (вата, мех и т.п.)', 'фасон', 'длина', 'наличие / отсутствие рукавов' и др.: **теповат**, м. пальто на вате. Калуж. [6, с. 54]; **теплушечка**, ж. ласк. ватный жилет. Киргиз. ССР [6, с. 57]; **теплогрейка**, ж. безрукавка на вате, телогрейка Арх. [6, с. 55]; **тепложат**, м. теплая одежда или обувь. Свердл. [6, с. 55]; **тепломат**, м. теплая верхняя одежда. Калин., Волог., Новосиб., Новг., Твер., Яросл., Костром., Новосиб. **тёпломат**. женская верхняя теплая одежда различного покроя. Орл., Волог. Пальто в талию. Яросл. «Женское зимнее пальто в талию, в пол, без мехового воротника». Яросл., Костром., Калин., Новг. Длинное пальто в талию, на меху или на вате, книзу расклешенное. Новосиб., Тюмен., Свердл., Яросл. Пальто на вате. Волог., Новг., Калин.; меховая женская одежда, шуба. Волог. **Шубный тепломат** Среднеобск. Верхняя одежда из овчины. Кемер. Шуба из овчины в талию, книзу расклешенная. Новосиб., Тюмен., Свердл. Короткая женская шуба из черных овчин. Новосиб.; тулуп. Ср. Урал, Зауралье, Тюмен., Свердл.; короткая верхняя одежда, тужурка. Вят., Кемер., Пск. Короткое теплое женское пальто. Волог. Женское зимнее или летнее полупальто. Яросл., Бурят. АССР, Южн. Урал. Зимний женский жакет на вате со сборками. Новг.; верхняя безрукавная одежда из овчины. Кемер. [6, с. 55-56]; **тепломатный**, ая, ое. теплый (о верхней одежде). Волог. [С. 56]; **теплуха**, ж. теплая куртка без рукавов, душегрейка. Калин. [6, с. 57]; **теплушка**, ж. теплая верхняя одежда. Свердл., Чкал. Зимнее пальто без воротника. Чкал. Длинное мужское пальто на подкладке. Челяб. // короткая верхняя зимняя мужская одежда. Дон. Полупальто (обычно стеганое). Терск., Свердл., Новосиб., Амур., Хабар. Полушубок. Свердл. // Ватник. Ворон. Короткое стеганое пальто. Свердл. Стеганный кафтан, куртка. Терск, Даг. АССР, Камч., Бурят. АССР. Меховая куртка. Ср. Прииртышье. Кофта, пиджак на вате или на меховой

подкладке. Волог., Ворон.; теплая вязаная кофта. Арх. Фуфайка. «Носят мужчины». Волог., Новосиб., Краснояр.; безрукавка на вате или на меху, жилетка, душегрейка. Влад., Свердл., Киргиз., Южн. Краснояр. Жилет. Одесск. [6, с. 58-59]; **тепляк**, м. женская короткополая шуба на заячьем меху. Сиб., Забайкалье // мн. теплая одежда (доха и т. п.). Забайкалье [6, с. 61-62]; **тепьянка**, ж. овчинная шуба. Яросл. [6, с. 62]; **теплиться**, тепло одеваться. Твер. [6, с. 53]; **тепьящий**, ая, ее, тепло одетый. Арх. [6, с. 62]; **тепьяющий**, ая, ее, очень теплый (об одежде). Тюмен. [6, с. 62].

Высокая продуктивность номинативных моделей, базирующихся на актуализации признака ‘теплый’ в номинациях средств обогрева (костра, печи), строений, помещений и одежды, свидетельствует о прагматической маркированности в русском языковом сознании антропогенных факторов, обеспечивающих создание и сохранение тепла.

Семантический признак ‘теплый’ является мотивирующим для целого ряда наименований кулинарных блюд: **тепленик**, м. пшеничный хлеб, каравай. Твер., Новг.; сдобный пирог. Твер. [6, с. 49]; **теплик**, м. пшеничный хлеб, каравай. Пск., пшеничный хлеб, испеченный в медном или глиняном сосуде. Олон., Новг., Пск., Твер., пшеничная булка. Новг.; сдобный пирог. Новг., Твер., Пск., Новг.; картофельный пирог с морковью. Пск. [6, с. 51]; **теплинник**, м. сдобный пирог. Твер. [6, с. 53]; **теплишник**, сдобный пирог. Пск. [6, с. 53-54]; **теплишница**, кушанье из пшеничной муки с изюмом. Пск. [6, с. 54]; **теплёнка**, ж. молочный суп. Пск. [6, с. 49]; **тепьяк**, м. постные щи, заправленные крупой, толокном и толчеными сухарями. Волог. [6, с. 62]; **тепьяки**, мн. картофельные лепешки. Пск.; блины. Пск. [6, с. 62]; **теплушки**, мн. оладьи с маслом. Арх., Беломор. [6, с. 59]; **тепьячок**, м. кушанье из хлеба, залитого яйцом и молоком. Яросл. [6, с. 62]. Когнитивная мотивация в данном случае опирается либо на способ приготовления еды, предполагающий термическую обработку продуктов, либо на традицию употреблять то или иное блюдо в теплом виде. По-видимому, возможна и одновременная актуализация обоих факторов.

Метонимически с семантическим модулем «еда» связаны наименования посуды, используемой для приготовления пищи: **тепличник** и **теплишник**, м. «горшок, в котором пекут каравай». Пск.; большое глиняное блюдо для выпечки пирогов. Новг. [6, с. 53-54]; **тепличница** и **теплишница**, ж. большой глиняный сосуд. Пск. [6, с. 54].

Дальнюю периферию исследуемого семантического поля образуют вторичные, переносные значения.

Являясь необходимым свойством живого организма, тепло может осмысляться как проявление жизни в целом. В данном случае конкретный осязаемый признак выступает репрезентантом общего витального состояния человека. Этот когнитивный механизм лежит в основе номинативной модели ‘теплый’ > ‘живой’: **Тёплой рукою сделать что-л.** при жизни сделать что-л. *«Передать имение теплою рукою, не по завещанию, а дарственной записью».* Даль; **тёпленький**, ая, ое. В сочетаниях. **Еле тёпленький**, то же, что чуть тепленький. *Как валом подуло [с моря], еле тепленький остался.* Среднеобск. **Чуть тёпленький**, едва живой, очень больной. *Ее чуть тепленькую привезли.* Р. Урал. *Еле выжила и чуть тепленькая приехала.* Новг. [6, с. 49].

Метафорические оценочные значения, развиваемые лексемами с корнем **тепл-** в русском диалектном языке, обнаруживают амбивалентность. С одной стороны, понимание того, что ощущение тепла является комфортным, приятным для человека, создает когнитивную базу для развития у лексем с корнем **тепл-** позитивных оценочных значений, которые могут относиться к человеку (**теплёшенький**, ая, ое, фольк. добрый, ласковый, приветливый. Орл. [6, с. 50]; **тепьячок**, м. ласк. о простом и ласковом человеке. Яросл. [6, с. 62]; **тёпленький**, ая, ое, доброжелательный, приветливый (о человеке). Р. Урал [6, с. 49], к родному дому, семье (**теповитый**, ая, ое. **Тепловитое гнездышко**. о родном доме. Олон., Арх., Север. [6, с. 54-55]), а также к качеству жизни в целом (**тепло**, нареч. зажиточно, богато (жить). *Эти живут тепло, хорошо.* Перм. [6, с. 54]).

С другой стороны, семантический компонент ‘неполнота проявления признака’, связанный с промежуточным положением признака ‘теплый’ на градационной шкале температурных ощущений (‘холодный’ – ‘теплый’ – ‘горячий’), служит когнитивной базой использования лексем с корнем **тепл-** для выражения негативных оценочных значений

‘ленивый’, ‘глупый’, ‘нерасторопный’, связанных с пассивностью, нежеланием или невозможностью совершать какие-либо действия: *теплуха*, ж. о нерасторопном человеке. Волог. [6, с. 57]; *тепляк*, м. о нерасторопном человеке. Волог. [6, с. 61-62]; *тёпленький*, ая, ое, неразвитый, глуповатый (о человеке). Ворон. [6, с. 50]; *тёпленький*, ая, ое, ленивый; равнодушный. Р. Урал [6, с. 49].

В то же время при бинарном восприятии температурной шкалы (‘холодный’ – ‘теплый’) признак ‘теплый’ может сближаться с признаком ‘горячий’, вследствие чего прилагательное *теплый* развивает метафорические значения, характерные для лексемы *горячий*: ‘смелый’ (*тёплая девка*, о смелой девушке. *Таки теплые девки, удалые, шарахнут клубень*. Новг.), ‘сильный, интенсивный’ (*теплее бить*, сильнее бить. Терск. [6, с. 54]).

Таким образом, семантическое поле «теплый» в русском диалектном языке имеет сложную структуру. Ядерную зону данного семантического поля образуют лексемы, выражающие собственно ощущение тепла, дифференцируемое в зависимости от степени интенсивности. Ближайшую периферию исследуемого поля формируют два семантических блока, актуализирующих природные и антропогенные факторы, которые обеспечивают создание и сохранение тепла. Группу природных факторов составляют континуально взаимосвязанные признаки ‘погода’, ‘время’ и ‘пространство’. В ряду антропогенных факторов маркируются понятие ‘огонь’, вербализуемое наименованиями костра, печи и метонимически связанных с ними предметов, понятие ‘строение, помещение’, выражаемое номинациями построек жилого и хозяйственного назначения, а также понятия ‘обувь’ и ‘одежда’, объединяющие чрезвычайно широкий круг конкретных значений. Метафорические значения в исследуемом семантическом поле, в отличие от аналогичного поля в русском литературном языке, амбивалентны, что связано с возможностью различной интерпретации признаков ядерного понятия.

Очевидно, что структура данного семантического поля отражает когнитивную структуру (фрейм), основывающуюся на восприятии знаний об объекте, полученных в результате индивидуального и общественного опыта. Использование базовой основы *тепл-* для обозначения различных денотатов обусловлено наличием системных когнитивных связей в ментальном пространстве русского человека, в частности, представлением о том, что тепло – это температурное ощущение человека, которое может быть детерминировано комплексом природных (метеорологических, темпоральных и пространственных) и антропогенных факторов (огонь, строение, одежда, обувь). Дальнейшее изучение семантического поля «теплый» с привлечением не только лексикографических, но и психолингвистических данных, текстовых материалов позволит полнее эксплицировать эти когнитивные связи и описать структуру соответствующего фрейма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макроком). – М.: Индрик, 1998. – 240 с.
2. Гриценко П. Ю. Ареальне варіювання лексики. – К.: Наукова думка, 1990. – 269 с.
3. Гриценко П. Ю. Моделювання системи діалектної лексики. – К.: Наукова думка, 1984. – 227 с.
4. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 355 с.
5. Нефедова Е. А. Отношения синонимии в семантическом поле (на материале архангельских говоров) // Материалы для изучения сельских поселений России: Доклады и сообщения третьей научно-практической конференции "Центрально-черноземная деревня: история и современность". Воронеж, декабрь 1994 г. – Ч. I. Язык. Культура. – М., 1994. – С. 56-60.
6. Словарь русских народных говоров. – СПб.: Наука, 1965–2016– Вып. 44: Телепай–Транба. – 2011. – 350 с.
7. Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. – М.: «Индрик», 2008. – 528 с.

8. Толстой Н. И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Толстой Н. И. Избранные труды, том 1. Славянская лексикология и семасиология. – М.: «Языки русской культуры», 1997. – С. 12–43.

(Статья поступила в редакцию 1 марта 2017 г.)